

Валентин Иванович Яковенко

Несколько слов о Томасе Карлейле



Валентин Яковенко

**Несколько слов о
Томасе Карлейле**

«Public Domain»

1891

Яковенко В. И.

Несколько слов о Томасе Карлейле / В. И. Яковенко —
«Public Domain», 1891

«...Томас Карлейль один из наиболее читаемых и почитаемых авторов в Англии. Тэн говорит: спросите любого англичанина, кого у них больше всего читают, и всякий ответит вам – Карлейля... Если бы Карлейль примыкал к какой-нибудь общеизвестной школе в сфере мысли или партии в сфере общественных дел, то мы считали бы совершенно излишним всякие с нашей стороны пояснения...»

© Яковенко В. И., 1891

© Public Domain, 1891

Содержание

Конец ознакомительного фрагмента.

8

Валентин Яковенко

Несколько слов о Томасе Карлейле

Печатается по изданию: Карлейль Т. Герои, почитание героев и героическое в истории. СПб., 1908. С. 1–18.

Томас Карлейль один из наиболее читаемых и почитаемых авторов в Англии. Тэн говорит: спросите любого англичанина, кого у них больше всего читают, и всякий ответит вам – Карлейля... Если бы Карлейль примыкал к какой-нибудь общеизвестной школе в сфере мысли или партии в сфере общественных дел, то мы считали бы совершенно излишним всякие с нашей стороны пояснения: в таком случае книга¹ говорила бы сама за себя, а то, что в ней осталось недосказанным, уяснилось бы благодаря общему знакомству с мировоззрением, к которому примыкает ее автор. Но все это совершенно неприменимо к Карлейлю; он *единственный* в своем роде мыслитель; у него нет да и, собственно, не может быть ни подражателей, ни продолжателей. Он излагает свои мысли вовсе не путем логических выкладок. Попробуйте отыскать у него большую посылку, малую посылку и заключение. Он мыслит образами. Он вовсе не заботится обставить свою мысль правильно построенными индукциями и дедукциями. Это смущает многих, и академические логики находят, что Карлейль беден по части *мысли*. Впрочем, они готовы снисходительно допустить, что Карлейль возбуждает много мыслей. Но не противоречат ли они, таким образом, сами себе? Разве *мало-мыслие*, с какой бы горячностью оно ни заявляло о себе, может вообще возбуждать мысль? Затем, самые эти мысли. Они также поражают в первый момент читателя. Вначале они казались дикими и странными также и англичанам. С большим трудом и после долгих поисков Карлейль нашел издателя для первого своего капитального произведения «Sartor Resartus». Но истинная мысль, по верному замечанию самого Карлейля, рано или поздно всегда найдет себе доступ к *искреннему* сердцу человека. И «Sartor Resartus», а затем длинный ряд других его произведений проложили ему дорогу, и его сочинения стали обычным чтением англичан. Пусть русский читатель не теряет из виду этого факта. Почему мысли Карлейля кажутся странными, почему они поражают и мы готовы признать их анахронизмами? Потому, во-первых, что они принадлежат к иному складу мировоззрения, нежели господствующий ныне; и потому, во-вторых и главнейшим образом, что мы прикидываем к нему свои излюбленные шаблоны. Но так как эти шаблоны обыкновенно слишком малы и далеко не могут покрыть собою всего поля мысли Карлейля, то мы прилаживаем их к отдельным отрывочным положениям и утверждениям, и, конечно, получается нечто, на наш взгляд, несообразное. Карлейль высмеивает «свободу и равенство»; он презрительно относится к «баллотировочным ящикам», то есть избирательным урнам, «всеобщему голосованию»; он высокомерно смотрит на «толпу» и т. д. Но оставьте шаблоны и идите вместе с Карлейлем от его высмеивания «свобод и равенств», как эти последние обнаруживаются при *данных* условиях и в *данном* случае, от его презрения к «баллотировочному ящику», как он действует опять-таки *при данных* условиях, от его высокомерия к «толпе», не как к синониму *человечества*, а как выражению *серединной* пошлости, да постарайтесь подняться вместе с ним по восходящей линии его положительного верования, тогда перед вами раскроются беспредельные горизонты истинной «свободы и равенства», и вы убедитесь, что Карлейль отважно и поистине героически ведет вас в обетованную страну «Царства Божьего» на земле. Вы убедитесь, что Карлейль питал глубокое недовольство существовавшим порядком вещей, что по силе и глубине своего протеста он примыкает к самым передовым людям и что при этом

¹ Речь идет о книге «Герои, почитание героев и героическое в истории».

он представляет собою протестанта, отвергающего всякие сделки и временные преходящие решения больших вопросов.

В Карлейле невозможно отделить человека от писателя и мыслителя. Он весь, со всей его «дикой» страстью, отдался своему призванию. Такие цельные натуры встречаются крайне редко, и обыкновенно это бывают люди глубоко религиозные. Цельность и есть прямое последствие религиозности. Мы говорим, конечно, не о догматике. Замечателен внутренний перелом, пережитый Карлейлем в этом отношении. Он имел большое значение для всей его последующей литературной деятельности, и потому мы скажем здесь о нем несколько слов.

Честная и серьезная религиозность, не имеющая ничего общего с обычным пошлым святошеством, окружала Карлейля с первых дней его жизни.

Отец Карлейля, простой каменщик, и мать его принадлежали к одной из многочисленных в Англии диссидентских сект и желали, чтобы сын их был священником. Но он утратил веру «отцов своих» и отказался от мысли быть священником. С каким трогательным беспокойством следила бедная мать за внутренним переломом, совершавшимся в душе ее сына! Сам Карлейль описал свои муки, свою борьбу и свою победу в «Sartor Resartus», который во многих отношениях имеет биографическое значение. «Он переживал лихорадочные пароксизмы сомнения. Его окружала громадная мрачная пустыня, населенная дикими чудовищами». Бывают ли чудеса? – допрашивал он себя. На какой такой несомненной очевидности держится религиозная вера и т. п.? И часто, в молчаливые бессонные ночи, когда сердце погружалось в еще больший мрак, чем небо и земля, он распростирался перед Всевидящим и громко, страстно молил о ниспослании света. Но после долгих лет, после длинной несказанной агонии верующее сердце сдалось в конце концов; оно погрузилось в какой-то заколдованный сон, в страшный кошмар, оно впало в *неверие*. И под влиянием этого дьявольского наваждения он стал смотреть на прекрасный, живой Божий мир как на потускнелую пустошную обитель смерти... Но таков удел человека. Искупительное страдание необходимо. Мертвенная вера в букву должна окончательно замереть, рассыпаться в прах и развеяться на все четыре стороны, и тогда, *высвобожденное из своего гроба*, воспрянет живое чувство веры... Чистая и в высшей степени глубокая нравственная природа Карлейля нуждалась именно в религиозной вере, так как он не разделял философских теорий «прибылей и потерь» ни в отвлеченном, ни в практическом отношении. А между тем душевный мрак сгущался все больше и больше, сомнение становилось все мучительнее и мучительнее. И он допрашивал себя: итак, никакого Бога не существует? Или, в лучшем случае, это – Бог отсутствующий, Бог, опочивший в первый субботний день, отстранившийся от дел вселенной и лишь вззирающий на нее со стороны? А «долг» – это слово также не имеет никакого значения? Это не небесный вестник, не руководящий принцип, а лживый земной фантом, создание желания и страха? А героическое вдохновение, называемое нами добродетелью, отвагой, всего лишь какая-то страсть, волнение крови, *выгодное* для других людей? Как ни были мучительны все эти сомнения и терзания, Карлейль не шел ни на какие сделки и не примирился с тем, что он признал ложью. В сущности, он страстно искал истины, и долг, под который подкапывалось сомнение, руководил им. Самое мучительное чувство, говорит он дальше, есть сознание собственной немощности. Чувствовать себя всегда бессильным – истинное несчастье. И, однако, мы не можем иметь ясного представления о своей силе, пока не станем действовать, *делать*. Какая громадная разница между смутной колеблющейся способностью и определенным, решительным действием! Наши поступки служат зеркалом, в котором впервые отражаются действительные очертания нашего духа. Известное предписание: «познай самого себя», невозможное само по себе, получает смысл и значение, если высказать его в несколько более частном виде: «познай, что ты можешь делать». Таким образом, *бесплодное созерцание*, порождающее сомнение и муки, должно замениться *живым*

делом, на какое способен человек. Эта мысль послужила поворотным пунктом во внутренней жизни Карлейля; она же наложила печать на всю его философию и на все его общественное мировоззрение. Действительно, во всех своих произведениях он выступает непримиримым врагом *бездеятельного* созерцания и *пассивного* подчинения существующему порядку вещей. Я не говорю – подчинения *действительности*, так как, заметим здесь кстати, действительность, реальность в устах Карлейля означает вовсе не внешний облик и ход вещей, бросающийся в глаза каждому, а истину, глубоко сокрытую обыкновенно под внешней оболочкой.

Существует сомнение и сомнение. Одно – болезненное, худосочное, самодовлеющее; другое – здоровое, хотя и мучительное, полное жизни, так как оно расчищает путь к истине. Такое сомнение всегда заканчивается верой. Когда унаследованные Карлейлем представления о Боге, долге и т. д. были очищены критической работой мысли, сомнение обратилось на самого человека: он стал мучиться своею немощностью. Он – ничтожный атом среди грозной бесконечности; у него есть глаза, но для того только, чтобы видеть собственное свое злополучие; какая-то непроницаемая волнистая стена отделяет его от всего живого; он наложил печать молчания на свои уста: к чему он станет говорить с так называемыми друзьями, когда они считают дружбу отжившею традициею, когда разговоры с ними неизбежно вращаются около одних только горестных новостей. Мужчины и женщины, с которыми он встречается и даже говорит, кажутся ему безжизненными, автоматическими фигурами. Вся вселенная представляется лишенной жизни и смысла; ни цели, ни хотений, ни даже вражды не ищите в ней; она – чудовищная, неизмеримо громадная мертвая паровая машина, безучастно вращающая свои колеса, перемалывающая в порошок все, что попадает к ней. «О, беспредельная, мрачная, пустынная Голгофа! О, бесчувственная мельница смерти!» – восклицает он. Но дальше сомнению некуда уже было идти, и оно завершается такою мыслью: «Чего ты страшишься? Почему ты, подобно трусу, должен вечно ползком подвигаться вперед, трепетать, охать и говорить шепотом? Презренное двуногое! В чем же заключается, собственно, твое злополучие – в страхе смерти? Хорошо, смерть; скажи еще: все то, что могут причинить тебе дьявол и люди. Но разве у тебя нет сердца, разве ты не можешь перенести все это и, как дитя свободы, хотя и покинутое, попираешь ногами даже самую пучину смерти, когда она поглотит тебя? Пусть же она идет; я встречу ее как подобает; я не усташусь ее». И эти мысли, эта решимость воспламенили душу ярким пламенем. Страх исчез навсегда. Карлейль почувствовал в себе силу, неведомую ему до тех пор, и на слова вечного отрицания: «посмотри, ты без роду и племени, покинут всеми, а вселенная принадлежит мне», – он со всей силой своей пылкой души мог теперь ответить: «я не принадлежу тебе, я свободен и навеки ненавижу тебя». Таково было, как выражается Карлейль, его крещение *огнем*.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.